

З. В. УДАЛЬЦОВА

К ВОПРОСУ
О МИРОВОЗЗРЕНИИ ВИЗАНТИЙСКОГО ИСТОРИКА VI в.
ЕВАГРИЯ

Церковно-богословское направление в византийской историографии VI в. представлено автором «Церковной истории» Евагрием Схоластиком.

Сириец по национальности, Евагрий родился в 535/36 г. в городе Епифании на р. Оронте в Сирии. В своем труде Евагрий, в отличие от других авторов, сообщает довольно много сведений о себе. Родился он в семье ортодоксальной: его родители были весьма благочестивы и религиозны. В 542 г. он учился в начальной школе и совершил с родителями паломничество в город Апамею¹. По окончании школы Евагрий изучал юриспруденцию и впоследствии сделался адвокатом в столице Сирии Антиохии, где провел большую часть своей жизни. Занятие адвокатурой и принесло Евагрию его прозвище — «Схоластик».

В Антиохии Евагрий женился на молодой девушке из хорошей семьи; в ночь его свадьбы в городе произошло страшное землетрясение, от которого новобрачные спаслись чудом². Опытный юрист и человек сведущий в богословских вопросах, Евагрий приобрел известность и был замечен антиохийским патриархом Григорием. Все последующие годы Григорий оказывал покровительство Евагрию, а тот платил ему полной и неизменной преданностью и поддержкой в его политической и религиозной борьбе.

Как сообщает сам Евагрий, в 588 г. патриарх Григорий был обвинен во многих преступлениях и в том числе — в сожительство с родной сестрой. Обвинителями были политические и церковные враги Григория, но против него был сильно возбужден и народ Антиохии. В этот момент Евагрий оказал Григорию немалую услугу. Он был защитником патриарха, когда тот отправился в Константинополь для разбора своего дела перед императором и сенатом. После трудной борьбы и при помощи Евагрия Григорий выиграл процесс и был полностью оправдан. До конца жизни Григория Евагрий сохранял с ним дружеские отношения и в своем труде пишет о нем в самых панегирических тонах³, стремясь обелить все поступки патриарха и выставить его в наилучшем свете.

Долгое время Евагрий жил в достатке, пользуясь семейным счастьем, вырастил нескольких детей, выдал замуж дочь, имел внуков. Он был

¹ The Ecclesiastical History of Evagrius with the Scholia, ed. J. Bidez and L. Parmentier. London, 1898 (далее — E v a g r.); русский перевод: «Церковная история Евагрия, схоластика и почетного префекта». СПб., 1853.

² Ibid., V, 8.

³ Ibid., V, 7.

достаточно богат, имея, как говорит сам, много рабов и зависимых крестьян-хоритов⁴. У него был, видимо, дом в Антиохии и какие-то земельные владения в пригородах, где жили его зависимые крестьяне-эпапографы⁵.

Однако, когда Евагрий уже был в зрелом возрасте, в царствование Маврикия его семью постигло несчастье: от свирепствовавшей в Антиохии моровой язвы умерли многие его дети, жена и другие родственники, а также рабы и большое число зависимых поселян. Во время новой вспышки чумы в Антиохии, когда Евагрию было уже более 57 лет, он лишился дочери и внука⁶.

Семейные несчастья усилили, видимо, религиозность Евагрия: оставив дела, он предался богословским и литературным занятиям. Кроме основного своего труда, «Церковной истории», Евагрий написал, по его собственным словам, другую книгу, заключающую в себе донесения, послания, судебные решения, речи и другие произведения. Из содержавшихся в ней донесений большая часть была составлена от лица патриарха Григория⁷, что указывает на их церковно-богословский характер.

Литературный труд Евагрия был вознагражден правительством. Император Тиберий, которому поднес свои книги Евагрий, пожаловал ему титул почетного квестора. А когда у императора Маврикия родился сын Феодосий, Евагрий написал в его честь льстивый панегирик, за что удостоился звания почетного префекта. Поэтому в заглавии к своей «Церковной истории» Евагрий с гордостью называет себя ἀπὸ ἐπάρχων⁸. Год смерти Евагрия не известен, но скорее всего он умер в конце VI в.

Таким образом, Евагрий принадлежал к образованной части чиновной знати Антиохии, близкой к патриаршему престолу.

«Церковная история» Евагрия, состоящая из шести книг, была написана в Антиохии⁹. Она охватывает период с 431 по 593/594 гг., т. е. всего 163 года. Хорошо начитанный в трудах как церковных, так и светских историков, Евагрий все же подчеркивает, что продолжает традиции церковных историков Сократа, Евсевия Памфила, Созомена и Феодорита Киррского, к сочинениям которых непосредственно примыкает его «Церковная история», являясь как бы их продолжением¹⁰.

Сам историк охотно и много говорит о своих источниках, называя множество имен античных и византийских писателей¹¹. Но основными его источниками были труды Приска Панийского, Иоанна Малалы, Захари Ритора, утраченный труд Евстафия Епифанийского и все произведения Прокопия. Об историческом сочинении Агафия Евагрий знал, но, по собственному его признанию, оно осталось ему недоступным¹². Описывая царствование Юстина I и Юстиниана I, Евагрий следует за Малалой и Прокопием, причем черпает некоторые порочащие Юстиниана сведения, видимо, из «Тайной истории» знаменитого хулителя Юстиниана¹³.

Особенно важно использование Евагрием некоторых ныне утраченных источников. Безусловно, он пользовался полным текстом сочинения Приска Панийского, так как сведения, которые, по его словам, взяты у Приска, значительно шире тех, которые содержатся в отрывках из его произведений, включенных в экцерпты Константина Багрянородного.

⁴ E v a g r . , IV, 29: οἰκέτας καὶ χορίτας παμπόλλους.

⁵ Евагрий упоминает о зависимой от него женщине (Ibid., VI, 23: Καὶ γυναῖκός δέ τις τῶν ἐπογράφοντων μοί).

⁶ Ibid., IV, 29.

⁷ Ibid., VI, 24.

⁸ Ibidem.

⁹ Ibid., I, 20.

¹⁰ Ibid., V, 24.

¹¹ Ibidem.

¹² Ibidem.

¹³ A. T. Evagrio e la sua fonte piu importante Procopio. — «Roma e l'Oriente», V, 9, 1915, p. 45—51, 103—111.

Для описания событий ранее 562 г. (II—III книги) главным источником Евагрия была утерянная теперь хроника Евстафия Епифанийского. Существует гипотеза, что сказания Приска Панийского автор использовал также через посредство Евстафия Епифанийского. В V-й книге привлекается труд Менандра, хотя текстуальных заимствований нет. Д. Моравчик считает, что Евагрий знал и использовал Менандра тоже через посредство Евстафия Епифанийского¹⁴.

В отличие от других церковных писателей, Евагрий весьма добросовестен в изучении и подборе источников и, что особенно важно, ярко проявляет к ним критическое отношение. В зависимости от политической и религиозной направленности исторических сочинений, он дает положительную или отрицательную оценку их авторам. Захария Ритор и особенно Зосима находятся в явной опале у Евагрия. Он обвиняет Захарию в пристрастии¹⁵, подозревает в клевете на епископов¹⁶, говорит, что он ничего не знал о ходе церковных дел в Риме, а брался о них писать, передавая лишь сомнительные слухи¹⁷. Возможно, недоброжелательство Евагрия к Захарии вызвано отклонением последнего от «истинной» веры.

Особую ненависть Евагрия вызывает Зосима, которого он резко осуждает за язычество и клевету на императора Константина¹⁸.

В противоположность отрицательной оценке Захарии и Зосимы Евагрий чрезвычайно похвально отзывается об Евстафии Епифанийском¹⁹ и Приске Панийском²⁰. Он хвалит Евстафия сирийца за занимательность, красоту описаний, ум, красноречие, трудолюбие. О риторе Иоанне (Малале) Евагрий отзывется также с похвалой²¹, указывая, что тот был его согражданином и даже родственником²².

Ценность труда Евагрия как исторического источника велика также потому, что он широко привлекает в своем сочинении различные документы, особенно окружные послания по церковным вопросам императоров и патриархов, акты церковных соборов, письма и др. Естественно, он использовал также и рассказы современников и свои личные наблюдения. Особенно ценны его сведения по истории Сирии и, в частности, Антиохии, где он жил сам²³. Наконец, важность труда Евагрия определяется и тем, что он сохранил порою уникальные сведения, почерпнутые им из ныне утраченных сочинений²⁴.

В стиле и языке Евагрий в тех частях своего труда, где он пишет о светских сюжетах, во многом подражает Фукидиду, хотя и далек от рабского копирования великого историка²⁵.

В византийской церковной литературе более позднего времени труд Евагрия упоминают Фотий, патриарх Никифор, анонимный автор Жития Симеона Младшего и Никифор Каллист²⁶.

¹⁴ Gy. Moravcsik. *Byzantinoturcica*, I. Berlin, 1958, S. 257—258; G. Gentz—K. Aland. *Die Quellen der Kirchengeschichte des Nicephorus und ihre Bedeutung für der Konstituierung des Textes der ältern Kirchenhistoriker.* — *Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft*, 42, 1949, S. 104—141.

¹⁵ *E v a g r .*, III, 7.

¹⁶ *Ibid.*, III, 9.

¹⁷ *Ibid.*, III, 18.

¹⁸ *Ibid.*, III, 40—41.

¹⁹ *Ibid.*, I, 19; II, 15; III, 26—27, 37.

²⁰ *Ibid.*, I, 5; II, 16.

²¹ *Ibid.*, III, 28; V, 5.

²² *Ibid.*, V, 24.

²³ Ш. Диль. Указ. соч., XVI.

²⁴ Gy. Moravcsik. *Op. cit.*, S. 258.

²⁵ L. Thurnauer. *Sprachliche Studien zu dem Kirchenhistoriker Evagrius.* Diss. Eichstätt, 1910.

²⁶ Н. В. Пигулевская. *Византия и Иран на рубеже VI и VII веков.* М.—Л., 1946, стр. 16—17.

По своим религиозно-философским взглядам Евагрий был строго ортодоксальным христианином, считавшим своей обязанностью борьбу против всех и всяческих еретических течений и отступлений от «правой» веры. Он, горячо защищая Халкидонский собор, осуждает Ария, Нестория, Евтихия, монофиситов.

Евагрий верит в провидение, но отводит большую роль и случайности в ходе исторических событий. Он советует ловить непокорный и быстро исчезающий счастливый случай: «А случай что птица: пока — у ног, может быть, и поймаешь ее. Но лишь вырвалась из рук, улетает в воздух и смеется над своими ловцами, не думая когда-либо возвратиться к ним. Вот почему живописцы и ваятели, изображая случай, спереди покрывают его волосами, а сзади обривают голову до кожи. Этим они очень остроумно выражают, что случай удобно схватить за волосы, когда он настагает нас, а находясь впереди, он решительно неуловим, потому что тогда гонящемуся не за что ухватить его»²⁷.

Долгом историка Евагрий считает правдивое описание событий для назидания потомкам и прославления истинной веры. «Пусть не утаивается ничто достопамятное, скрываемое вялою и расслабленною ленью и подручной ей забывчивостью», — пишет он во введении к своему труду²⁸. Он непримиримо осуждает язычество Юлиана и ереси. Несторий и Арий оба почти одинаково хулили Христа, утверждает автор: один называл его тварью, другой — человеком²⁹. Он выступает против «нечестивого» учения Евтихия, который проповедовал, что Христос до единения состоял из двух естеств, а после единения — из одного³⁰.

Однако Евагрий признает и искренность заблуждений создателей новых еретических учений, которые ошибались в поисках истины: ни один ересиарх не хотел умышленно хулить Христа, ни один не решался намеренно уничтожать божественное, но всякий думал, что говорит лучше своих предшественников³¹.

Евагрий с большим пристрастием, как и другие церковные писатели, описывает различные чудеса, совершенные мучениками и праведниками, восхваляет подвижничество Симеона Столпника, с уважением говорит об Исидоре Пелусиоте и др. Из своих источников Евагрий выбирает преимущественно различные легенды и сказания, связанные с прославлением христианства. Это особенно заметно при сравнении произведений Прокопия и Евагрия.

Но вместе с тем Евагрий отводит достаточно большое место и гражданской истории — описанию правлений императоров, войн, народных восстаний и бунтов в армии. Именно в этих частях «Церковной истории» особенно наглядно проявляются политические симпатии и антипатии ее автора. Одним императорам он симпатизирует, других — беспощадно хулит, и на это у него есть свои как религиозно-политические, так и личные причины.

Естественно, что его похвал заслуживает в первую очередь защитник христианства император Константин³². О Маркиане он пишет, что тот получил власть не по наследству, а в награду за добродетель от сената и правительствующих лиц³³.

Императору Зинону Евагрий дает весьма отрицательную характеристику: он творил произвол, предавался удовольствиям и сластолюбию, не гнушаясь постыдных и незаконных дел. Зинон столь сроднился с беззакония-

²⁷ E v a g r., III, 26.

²⁸ Ibid., I (Praefatio).

²⁹ Ibid., I, 7.

³⁰ Ibid., I 26.

³¹ Ibid., I, 11.

³² Ibid., III, 40—41.

³³ Ibid., II, 1.

ми, что предаваться порокам втайне считал делом низким, а на глазах у других — делом царским и приличным только самодержцу³⁴.

Описание пороков Зинова дает повод Евагрию к рассуждению о добродетелях императора. Евагрий, подобно другим византийским писателям, рисует образ идеального государя. Самодержец познается не по тому, как он управляет другими, а прежде всего по тому, как он владеет и управляет самим собою, не позволяя ничему худому проникать в свое сердце и являясь недоступным для пороков, так что предстает как живой образ добродетелей, располагающий подданного к подражанию. Напротив, тот, кто открыл свое сердце удовольствиям, неприметно для самого себя, делается мало по малу *презренным рабом*, пленником без надежд на выкуп и бывает принужден *постоянно менять господ, как делают негодные рабы*. Подлинные бесчисленные господа его суть удовольствия, которые, держась одно другого и следуя одно за другим, никогда не прекращают своего владычества над ним; ибо настоящее удовольствие не остается неизменным навсегда, но порождает новое, пока самодержец либо, став самодержцем истинным, не свергнет с себя мятежного владычества удовольствий и не начнет господствовать вместо того, чтобы терпеть тягостное господство, либо пока, раболепствуя до последнего издыхания, не сойдет в ад³⁵⁻³⁶.

Евагрий подчеркивает трусость и малодушие Зинова, проявленные им во время восстания Василиска, и делает вывод, что порок труслив и чужд надежды, он обнаруживает свое малодушие в самом подчинении удовольствиям³⁷.

Император Анастасий заслуживает похвалы Евагрия своей мирной политикой и стремлением к единству церкви³⁸. Он превозносит его за постройку Длинных стен и особенно — за отмену хрисаргира³⁹. Однако в целом Евагрий критикует финансовую политику Анастасия. Он осуждает его за введение хрисотелии, увеличение расходов на армию, за притеснение жителей провинций, за лишение курий права сбора податей, приведшее к упадку городов. Особенное недоброжелательство Евагрия вызывает эпарх двора Марин Сириец, по совету которого Анастасий послал по городам виндиков и поручил им сбор налогов, от чего доходы городских курий расстроились и благосостояние городов упало⁴⁰.

Император Юстин I не вызывает особых симпатий Евагрия. Он подчеркивает, что Юстин пришел к власти путем предательства, подкупа, а затем и злодеяний. Он обманул и затем убил Амантия и Феокрита, хотевших захватить власть при его помощи; он безжалостно и коварно расправился с возможным соперником Виталианом⁴¹. Не нравится Евагрию и низкое происхождение Юстина Старшего, незаконно захватившего престол, в то время как было много людей и знатных и богатых, которые состояли в родстве с Анастасием и имели полное право на столь великую власть⁴².

Характеристика Юстиниана у Евагрия противоречива, но скорее отрицательна. Сведения о Юстиниане он черпает преимущественно из трудов Прокопия (в том числе — из «Тайной истории»). Это особенно ярко проявляется при описании Евагрием непомерной жадности этого императора.

³⁴ Ibid., III, 1.

³⁵⁻³⁶ Ibidem.

³⁷ Ibid., III, 3.

³⁸ Ibid., III, 30; E. Cernousov. Des Evagrius Scholastikos Kirchengeschichte als eine Quelle für die Zeit Anastasios I Dikoros.— BZ, 27, 1927, S. 24—34.

³⁹ Ibid., III, 39.

⁴⁰ Ibid., III, 42.

⁴¹ Ibid., IV, 1—3.

⁴² Ibid., IV, 1.

По словам Евагрия, Юстиниан был ненасытным в жажде денег и таким охотником до чужого, что все подвластное себе царство отдал на откуп частью правителям, частью сборщикам податей, частью тем людям, которые без всякой причины любят строить козни другим. У несчетного числа *людей богатых* под ничтожными предложениями, например, в результате обвинений распутных женщин, он отнял все их имущество⁴³.

Эта характеристика Юстиниана всецело совпадает с образом этого правителя, нарисованным Прокопием в «Тайной истории». Как и Прокопий, Евагрий осуждает Юстиниана в первую очередь за ограбление знатных и богатых граждан. Вслед за Прокопием Евагрий говорит, что несмотря на свое корыстолюбие, Юстиниан деньги не хранил, а расточал⁴⁴.

Всемерного осуждения Евагрия Юстиниан заслуживает за страсти к *партии* голубых. Как и Прокопий, Евагрий рассказывает о том, что при попустительстве Юстиниана веныты могли свободно грабить и убивать своих противников из мирных граждан и даже не повиноваться правителям. Прасины из-за этих бесчинств венытов покидали свои дома, бежали в горы и пустыни и вступали в отряды разбойников, «от этого все области наполнились безвременными смертями, грабежами и прочими злодеяниями»⁴⁵.

Интересно, однако, расхождение между Прокопием и Евагрием по вопросу о том, когда Юстиниан стал покровительствовать венытам. Согласно Прокопию, Юстиниан оказывал предпочтение партии венытов еще до восстания Ника, а Евагрий полагает, что император стал делать это лишь после восстания в результате *страха*, пережитого им во время этих грозных для него событий. Евагрий прямо обвиняет Юстиниана в том, что он стал трусом после восстания Ника⁴⁶. Возможно, Юстиниан действительно после восстания покровительствовал той части венытов, которая перешла на его сторону и помогла подавить движение. Впрочем, как и Прокопий, Евагрий признает, что Юстиниан менял свою политику в отношении партий цирка: были периоды, когда он казнил и венытов, которые бесчинствовали по городам⁴⁷.

В оценке церковной политики Юстиниана Евагрий отступает от своего правила хвалить православных императоров. Подчеркивая, что Юстиниан придерживался православия, а Феодора — монофиситства⁴⁸, Евагрий, в отличие от Прокопия, не верит в искренность религиозных расхождений между супругами. Правда, он не утверждает этого прямо. «Действительно ли это было так, — пишет он, — потому что в деле веры иногда отцы не соглашаются с детьми, дети с родителями, жена со своим мужем, муж со своей женой, или они для какой-нибудь цели решили, чтобы один защищал исповедывавших единение двух естеств в Христе, а другая — признававших одно естество...»⁴⁹ Все-таки он указывает, что в конце жизни Юстиниан уклонился от правой веры и защищал догмат о том, что тело господа было подвержено тлению⁵⁰.

Можно предположить, что подобный зигзаг в церковной политике Юстиниана привел к тому, что этот император, столько сделавший для укрепления православной веры и роста авторитета церкви, этот правитель, так жестоко преследовавший еретиков и язычников, не получил хвалебного отзыва за свое благочестие у ортодоксального церковного писателя.

⁴³ E v a g r., IV, 30.

⁴⁴ Ibidem.

⁴⁵ Ibid., IV, 32.

⁴⁶ Ibidem.

⁴⁷ Ibidem.

⁴⁸ Ibid, IV, 10.

⁴⁹ Ibidem.

⁵⁰ Ibid., IV, 39.

Характеристика Юстина II Младшего у Евагрия тоже весьма двойственна. Евагрий считает похвальным, что Юстин II ничего не вводил нового. Но он вел беспорядочный образ жизни, утопал в роскоши и постыдных удовольствиях, был страстным любителем чужого имущества, даже торговал церковными должностями⁵¹. Будучи одержим двумя пороками — наглостью и малодушием, он коварно убил своего родственника и возможного соперника Юстина, племянника Юстиниана: вместе с женой Софией он насытил свой гнев и ненависть, поправ отрубленную голову Юстина ногами⁵².

Отрицательное отношение Евагрия к Юстину II объясняется, видимо, также тем, что Юстин вел политику ограбления церкви. Евагрий рассказывает, что этот император низложил патриарха Антиохии Анастасия за то, что тот при рукоположении не заплатил Юстину II требуемой им суммы. Анастасий был обвинен в растрате церковных имуществ, так как он действительно их продавал, заявив, что делает это, чтобы богатства церкви не были бы отняты «всеобщю язвою» — Юстином⁵³. Юстин был беспечен, своенравен, дерзок, опрометчив в ведении войны, почему и потерпел поражение от персов и сошел с ума, а власть перешла к Тиберию. «Ромейский престол от безумных предприятий Юстина, — пишет Евагрий, — подвергался опасности пасть вместе с целым государством и передать власть варварам»⁵⁴.

Уничтожающая критика Юстина II, может быть, объясняется также стремлением Евагрия, писавшего при преемниках этого императора, угождать новым правителям, понося их предшественника.

Зато о царствующих при нем императорах, сперва Тиберии, а затем Маврикии, Евагрий пишет в панегирических тонах. По описанию Евагрия, Тиберий был высокого роста, статен и красив и даже по внешнему виду более, чем кто другой из царей и всех смертных, был достоин царствовать. Он имел кроткую, человеколюбивую душу и уже с первого взгляда располагал к себе всех. Он щедро награждал подданных и освобождал их от налогов («то золото было поддельное, которое происходило от слез»). Он отстрочил при своем воцарении сбор налогов на год, а опустошенные персами области совсем освободил от податей⁵⁵.

Еще более восхвалял Евагрий императора Маврикия: это был муж благоразумный и предусмотрительный, всегда и во всем постоянный, в образе жизни и нравах твердый и разборчивый. Чревоугодия он был чужд, употребляя пищу самую необходимую и простую, и вообще «избегал всего, чем украшается жизнь изнеженная». Беседовать с простым народом Маврикий не любил, но и ушей не распускал, зная, что первое ведет к презрению, а последнее порождает угодничество. Поэтому входить к себе он позволял изредка, и то в случае дел важных, а для речей излишних затыкал свой слух — не воском, как говорит поэт, а разумом: разум для слуха есть превосходнейший ключ, который во время бесед своевременно и отпирает его и запирает. Невежества, дерзости и трусости Маврикий не терпел, осторожность была в нем благоразумием, а медлительность — безопасностью⁵⁶.

Перефразируя Плутарха, говорившего, что мужество и счастье в Риме заключили союз, Евагрий пишет, что в Маврикии соединились благочестие и благоденствие, и благочестие, господствуя в нем над благоденствием, не позволяло ему ошибаться.

⁵¹ E v a g r., V, 1.

⁵² Ibid., V, 2.

⁵³ Ibid., V, 5.

⁵⁴ Ibid., V, 11.

⁵⁵ Ibid., V, 13.

⁵⁶ Ibid., V, 19.

Для Евагрия именно Маврикий был тем идеалом императора, которого он тщетно искал раньше. Именно Маврикий побеждал в себе страсти и господствовал над ними. Он носил порфиру и венец не только телесно, но и духовно, ибо он один из прежде царствующих царил над самим собой и, будучи самодержцем на деле, изгнал из своей души *охлократию страстей*, один утвердил в помыслах *аристократию* духа, представляя живой образец добродетели и приучая подданных подражать ему⁵⁷.

Чувствуя некоторую неловкость от столь чрезмерных похвал, расточаемых императору, и понимая, что его могут обвинить в угодничестве, Евагрий заканчивает свой панегирик Маврикию следующим образом: «Это слово не лестно; ибо к чему мне таким образом говорить, когда он не знает, что о нем пишут»⁵⁸.

Сколь неискренен был при этом Евагрий, видно из того, что впоследствии он заслужил милости Маврикия и сан почетного префекта, написав хвалебную речь на рождение его сына. Итак, Евагрий проявлял не только полнейшую лояльность, но и политическую преданность императорам Тиберию и Маврикию и получал от них за это высокие награды.

В столь же хвалебном тоне писал он и о своем патроне патриархе Антиохии Григории, превознося его политическую и церковную деятельность и приписывая ему, в частности, усмирение бунта солдат⁵⁹.

Социально-политические взгляды Евагрия особенно ярко проявились в его резко отрицательном отношении к народу и народным восстаниям. Посвящая свою книгу церковной истории, Евагрий тем не менее отводит большое место описанию народных восстаний. Он рисует их неизменно в самых мрачных тонах. Перед читателем проходит ряд народных мятежей в Александрии, Антиохии и самом Константинополе. Особенно буйным, по словам Евагрия, было население Александрии. Описывая восстание бедноты этого города против епископа Протерия, Евагрий пишет: «Узнав о смерти Маркиана, александрийцы вновь подняли восстание против Протерия, пылая негодованием и злобой; ибо чернь всегда такова, что легко воспламеняется гневом и пользуется случайным поводом к началу мятежа. Но преимущественно перед всякой другой, такова чернь александрийская, потому что она многочисленна, состоит из людей грубых и разноплеменных и гордится своей безумной дерзостью и порывом. Поэтому-то, говорят, всякий желающий, ухватившись за малейший случай, может возбудить этот город к народному восстанию, вести его и направлять куда угодно. Притом он по большей части склонен к шуткам, как повествует Геродот об Амасисе. Такова александрийская чернь. Но в другом отношении не думай никто презирать ее»⁶⁰.

Не менее отрицателен отзыв Евагрия о народе Антиохии. Он пишет, что землетрясению, происшедшему в правление Льва, предшествовали некоторые поступки тамошней черни, выражавшие крайнее бешенство, превосходившие всякую жестокость диких зверей и бывшие как бы предвестником последовавших бедствий⁶¹.

Грозные народные восстания вспыхнули в Константинополе при императоре Анастасии. Они довольно подробно описаны Евагрием. Правда, их причины Евагрий сводит к чисто религиозной борьбе и украшает рассказ всякими легендарными подробностями.

По словам Евагрия, причиной одной из крупнейших народных восстаний было то, что Анастасий приказал прибавить к молитве трисвятой

⁵⁷ E v a g r., VI, 1.

⁵⁸ Ibidem.

⁵⁹ Ibid., VI, 12—13.

⁶⁰ Ibid., II, 8.

⁶¹ Ibid., II, 12.

«Распныйся за ны». Против этого выступил Македоний и подвластный ему клир. Они стали во главе восстания: «Через это, при необузданном буйстве черни, много знатных особ подверглось крайней опасности и много великолепных кварталов столицы стало жертвой пламени. А у одного поселянина, которого чернь нашла в доме Марина Сирийца, за то, что якобы прибавление в трисвятой было сделано по его совету, чернь отсекала голову и, воткнув ее на копьё, со смехом кричала: «вот враг Троицы!»»⁶².

Приписывая восстанию чисто религиозный характер, Евагрий невольно проговаривается, что оно приобрело социальную окраску. «Чернь» расправилась со знатно, в частности — с ненавистным министром финансов — Марином Сирийцем.

Вскоре восставшие стали угрожать самому императору: «Все опустошающее и великую силу превозмогающее возмущение простерлось до того, что царь, поставленный в крайне тяжкое положение, вышел на конское ристалище без короны и послал глашатаев объявить народу, что он готов сложить с себя верховную власть, но что всем невозможно принять ее — множества она не терпит, — и что после него будет только один правитель царства»⁶³.

Причины прекращения восстания описаны Евагрием крайне туманно: «Видя это, народ, как бы по божественному мановению, тотчас затих и стал просить Анастасия — надеть корону»⁶⁴. Видимо, император сделал серьезные уступки, удовлетворив в какой-то степени восставших или их вождей. Однако восстание столь дорого стоило Анастасию, было для него столь страшным потрясением, что он вскоре умер⁶⁵.

Знаменитое восстание Ника Евагрий описал по Прокопию, целиком приняв его версию о невинности Ипатия⁶⁶.

Наиболее достоверны и подробны рассказы Евагрия о народных восстаниях в городе, где он жил, — в Антиохии. Так, например, он описывает восстание народа в Антиохии во время осады города персами: «Народ, подняв мятеж, требовал нового порядка дел, как это обычно бывает и преимущественно в таких обстоятельствах. Потом крамольники разбежались, оставив город пустым, не отразив неприятеля»⁶⁷. Привлекает внимание упоминание о том, что народ требовал «нового порядка дел», т. е. каких-то реформ.

Особенно волновали Евагрия события, происходившие в Антиохии в связи с делом некоего Анатолия, свидетелем которых, очевидно, был сам автор. Этот «злодей», как его называет Евагрий, был человеком низкого звания, по профессии каретником, но затем разбогател и пробрался к высшим должностям, благодаря помощи патриарха Григория, к которому втерся в доверие. Анатолий был обвинен в язычестве и чародействе, и против него, а также его покровителя-патриарха восстал народ Антиохии. Анатолия отправили в столицу для расследования его дела. В Константинополе Анатолий был приговорен к смертной казни, а некоторые его сообщники — к ссылке. Этот приговор неожиданно вызвал народное восстание в самой столице. Восставшие схватили сообщников Анатолия и бросили живыми в костер. «Чернь вопияла также против императора Тиберия и константинопольского патриарха Евтихия как предателей веры, она хотела умертвить Евтихия и судей, всюду ходила, ища их»⁶⁸.

⁶² E v a g r., III, 44.

⁶³ Ibidem.

⁶⁴ Ibidem.

⁶⁵ Ibidem.

⁶⁶ Ibid., IV, 13.

⁶⁷ Ibid., V, 9.

⁶⁸ Ibid., VI, 18.

Причины прекращения этого восстания опять-таки описаны Евагрием весьма неясно: «Но провидение одним внушило скрыться от преследователей, а в других, в толпе народа — мало-помалу укротило ярость, — и поэтому не случилось злодейства»⁶⁹. Анатолий же был предан мучительной казни: сперва его отдали в цирке на утеху диким зверям, а затем израненного ими распяли на кресте. Его труп был сорван с креста и растерзан волками⁷⁰.

Кроме того, Евагрий рассказывает, что в ходе процесса патриарха Григория чернь Антиохии всячески поносила его. И знать и простой народ, в частности ремесленники, были недовольны Григорием⁷¹. Во время бунта солдат против полководца Приска Григорий был послан к восставшим войскам и сумел уговорить их на соглашение с правительством, обещав полную амнистию⁷².

Таким образом, по своим социально-политическим взглядам Евагрий являлся представителем антиохийской привилегированной интеллигенции, презиравшей и боявшейся народа. Верой и правдой он служил патриарху Григорию и императорам Тиберию и Маврикию.

⁶⁹ E v a g r., VI, 18.

⁷⁰ Ibidem.

⁷¹ Ibid., VI, 7.

⁷² Ibid., VI, 4, 5; 11, 12, 13.